

5. Meadland, W. The Cuban Missile Crisis: Needless or Essential / W. Meadland. – New York : Praeger, 1988. – viii, 167 p.
6. Nathan, J. The Missile Crisis: His Finest Hour Now / J. Nathan // World Politics. – 1975. – № 2. – P. 256–281.
7. Rostow, W. The Diffusion of Power, an Essay in Recent History / W. Rostow. – New York : Macmillan, 1972. – xx, 739 p.
8. Schlesinger, A. Thousand Days: John F. Kennedy in the White House / A. Schlesinger. – Boston : Houghton Mifflin, 1965. – xiv, 1087 p.
9. Sorensen, T. Kennedy / T. Sorensen. – Frankfurt a. M., Wien, Zurich, Buchergilde, 1967. – 751 p.

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФРГ И МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1970 г.

А.А. Синдеев (Москва)

6 февраля 1951 г. К. Шумахер, лидер социал-демократической оппозиции в бундестаге, отвечая на полученные им ранее от канцлера «Размышления о современной ситуации», писал К. Аденауэру¹: «Германское единство не означает роста шансов России, если единство возникнет на демократической основе. Все зависит от того, чтобы это единство стало результатом демократического волеобразования... Предпосылками германского единства является не только выравнивание частного и общественного права с принципами западной свободы. [Предпосылки] исходят из того, что данная свобода сначала действительно будет создана в качестве постоянной (*unrevidierbar*). Властные средства государства, – констатировал К. Шумахер, – должны быть подняты во всех частях Германии на одинаковый уровень. В этом и в равенстве предпосылок для союзников заключаются условия, при которых могут быть сделаны решительные шаги в направлении объединения» [9]. Со временем ставка на потерю влияния Советского Союза в процессе объединения Германии, на постепенное возвращение свободы в восточногерманском обществе, усиленное укрепление демократических институтов на Западе страны, на повышение эффективности государственных аппаратов и на субъектность немцев, их готовность и способность решать германский вопрос, стали традиционными установками СДПГ, на которых затем успешно были выстроены «новая» аргументация Э. Бара в его тютцингской речи 1963 г. и «новая восточная политика» партии.

В связи с этим особый научный интерес представляют предратификационные политические дискуссии о Московском договоре между СССР и ФРГ, заключенном 12 августа 1970 г. Тогдашнему канцлеру В. Брандту принци-

---

¹ 20 февраля 1951 г. К. Шумахер и К. Аденауэр встретились для обсуждения данной проблематики, о чем газета «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*» сообщила в номере от 21 февраля 1951 г. В СССР идеи К. Шумахера воспринимались с недоверием, считалось, что он выступает за создание выгодных условий для последующего нападения на страны народной демократии.

ально важно было обеспечить движение по пути демократизации и упорядоченного открытия восточноевропейских обществ, активизировать с помощью разрешения конкретных практических вопросов касательно Берлина и взаимодействия между ФРГ и ГДР опцию единства страны, что, по его мнению, должно было бы позднее стать одним из индикаторов оценки «эффективности договора». Неслучайно даже в официально озвученной канцлером цели отчетливо слышны подобные нотки: «Федеральное правительство придерживается убеждения, – заявил В. Брандт 18 сентября 1970 г., – что настало время по-новому обосновать и нормализовать в рамках возможного наше отношение к Советскому Союзу и Восточной Европе», поскольку «наш национальный интерес не позволяет нам стоять между Западом и Востоком...» [3, с. 3633]. Очевидно, что «обоснование по-новому» не тождественно изменению содержания политики, а «рамки возможного» указывают скорее всего на ограниченность идейного репертуара нормализации [3, с. 3633]¹.

К индикаторам эффективности договора следует отнести еще как минимум два положения из сентябрьской речи канцлера: разрядку, становящуюся возможной только после «улучшения положения в Берлине и возле него» и якобы полученное от Советского Союза фактическое согласие на изменение границ «по договоренности с другими государствами» [3, с. 3632]². Для предмета этой статьи не столь принципиально, имелось ли такое согласие, более значимо понимание того, что реальных причин для спора о Московском договоре между различными блоками политической элиты ФРГ практически не было, если не принимать в расчет желание заявить о себе и выставить себя истинным защитником внешнеполитических интересов страны.

Единственное, что можно было серьезно обсуждать до ратификации стали программа ближайших шагов в германском вопросе и приоритетность углубления западноевропейской интеграции, благодаря которой, по мнению лидера фракции ХДС/ХСС Р. Барцеля гарантировался «мирный порядок в Европе»³.

---

¹ Тем более «[н]ациональная цель германского единства через самоопределение не ущемляется [по Брандту. – А.С.] договором...» [3, с. 3632].

² Приведу еще одну цитату из выступления В. Брандта: Договор «держит открытым путь к достижению мира (*Zustand des Friedens*) в Европе, при котором германский вопрос также сможет найти справедливое и долгосрочное решение...» [3, с. 3633].

³ В свою очередь оппозиция, устанавливая псевдосвязь между Московским договором и другими самостоятельными направлениями внешней политики, попыталась создать впечатление фиаско правящей коалиции. Вспомним заявления Р. Барцеля от 18 сентября 1970 г. и фракции ХДС/ХСС от 10 августа того же года о том, что «[п]осле десяти шагов в восточной политике срочно необходимы двадцать шагов в западной политике...», а «[г]ермано-советский проект договора хотя и удовлетворяет некоторым ожиданиям фракции ХДС/ХСС... не снимает решительные сомнения... [Кроме того] фракция ХДС/ХСС не смогла увидеть баланс между обязательствами Федеративной Республики и ответными услугами Советского Союза. Она не видит и для людей в расколотой Германии никаких преимуществ. По-иному, нежели в политике прежних федеральных правительств, которая, например, привела к примирению с Францией и заложила при этом фундамент для создания европейских Сообществ, мы не можем установить (*erkennen*) в германо-советском проекте договора конструктивные, ориентированные на будущее элементы и принципы лучшего мирного порядка для всех европейцев» [3, с. 3634, 3636].

Напоминание со стороны христианских партий о требовании «укрепить свободный Берлин», а потом заключить Московский договор в сентябре 1970 г. было совершенно бессмысленным, как и возвращение к завышенным ожиданиям фракционного решения от 26 мая 1970 г.¹, преследовавшего цель не дать правительству получить заслуженно причитающиеся ему политические дивиденды.

Более перспективный тезис «Договор не в состоянии решить проблему безопасности» Р. Барцель развивать не стал, в том числе и потому, что тогда ХДС/ХСС пришлось бы предлагать иные средства обеспечения безопасности, что в условиях известных проблем в западном лагере было затруднительно сделать.

Очевидная слабость позиции ХДС/ХСС² позволила Г. Венеру, руководителю фракции СДПГ в бундестаге, призвать коллег к реализму. «Мы... рассматриваем, – сказал он, – этот договор как одно из средств, хотя и очень важных, добиться (*gelangen*) ... основополагающего изменения» [3, с. 3638].

Заниматься раздуванием критики оппозиция, естественно, не перестала. В близких к ХСС организациях изгнанных и перемещенных лиц активно предостерегали от последствий произошедшего «[к]оллаборационизма [федерального правительства] с лидером несвободного мира» [5, с. 4476]. Общая тональность выступлений Ф.-Й. Штрауса также была далека от дипломатии³.

Впрочем, большее значение для оппозиции имело выяснение истинных целей правительства и его интерпретации договора. Показательный пример подобного выяснения можно встретить в бундестаге 9 октября 1970 г.

Министр иностранных дел В. Шеель (СвДП) пояснял по запросу депутата от ХДС барона О. фон Фиркса⁴: «Ответ Министерства иностранных дел на письмо Балтийского совета от 20 июля исходит из того, что ни одно из федеральных правительств не делало заявлений, которые признали бы включение балтийских государств [в состав СССР]. Подписание германо-

---

¹ «Это решение, – сообщал Р. Барцель, – содержит остающиеся важными для нас масштабы оценки... договора. Это – наряду с Европой, НАТО и Берлином... снижение имеющейся напряженности... отказ от международно-правового признания ГДР... договор об отказе от силы и сохранение советской оговорки о применении силы исключают себя... установление границ в мирном договоре...» [3, с. 3635]. Любопытно, что федеральное правительство большинство из перечисленного Р. Барцелем в так называемом списке недостигнутого смогло согласовать на переговорах в Москве.

² О слабости позиции свидетельствует то, что представители ХДС/ХСС сознательно распространяли недостоверную информацию. 16 августа 1970 г. Р. Барцель заявил, «что... восточная политика [правительства] укрепляет господство Советского Союза в Европе». 26 августа К.-Г. Кизингер говорил об угрозе «прав[у] немцев на самоопределение» и разрушении «фундамент[а] западной политики интеграции и союзов». 31 августа 1970 г. генеральный секретарь ХДС Б. Хек писал в «*Deutschland-Union-Dienst*»: «Московский договор не содержит безоговорочного отказа Советского Союза от силы по отношению к Федеративной Республике». 9 сентября 1970 г. Р. Барцель на втором канале немецкого телевидения заметил: «Мы видим, что границы цементируются и не становятся проницаемыми». См. подробнее обзор высказываний оппозиции ФРГ в выступлении В. Шееля в бундестаге: [6, с. 4743].

³ См. подробнее о подходе ХСС в монографии профессора М. В. Стрельца: [2, с. 354–356].

⁴ О. фон Фиркс родился 14 сентября 1912 г. в Латвии, оберштурмбанфюрер СС, с 1969 по 1976 г. – депутат во фракции ХДС/ХСС. См. подробнее: [8].

советского договора ничего в этом не изменило. После возвращения из Москвы 7 августа в аэропорту я сказал...: "...Границы могут и в будущем изменяться или отменяться по обоюдному согласию мирным способом"». Когда же фон Фиркс уточнил: «Господин министр, Вы не придерживаетесь со мной мнения, что согласно правилам логики, а также немецкого языка "уважение целостности государства в его теперешних границах", как и значится в договоре, действует не бессрочно, а ограниченно, если одновременно утверждается, что части этих границ появились в нарушение международного права, то есть не на основе договора, а с помощью аннексии?»), В. Шеель, не подвергая сомнению сказанное бароном, лишь дополнил: «Но это же не мешает нам установить, что одностороннее изменение границ... не станет основой нашей политики. Мы... по правовому установлению, правовому характеру границ не заняли никакой позиции» [4, с. 3931–3932]. Таким образом, предмет спора, действительно, отсутствовал.

Из всего вышеизложенного следуют по крайней мере пять выводов: стратегическая цель постепенного вытеснения СССР из Восточной Германии и европейской части социалистического лагеря ни одной из ведущих партий ФРГ не оспаривалась; СССР, несмотря на «новую восточную политику», продолжал оставаться политическим противником, акцент лишь смещался с вынужденного взаимовыгодного сотрудничества с советским правительством на одновременное продолжение данного вынужденного сотрудничества и начало приоритетного развития интенсивных контактов с «русским народом»; Московский договор 1970 г. способствовал в итоге внешнеполитическому сплочению западногерманской элиты¹.

Последний вывод чрезвычайно важен, если сравнить ценность контактов в рамках коллективного Запада с отдельными социалистическими странами и с СССР. Советское руководство не могло не знать, какова с учетом выработанного внешнеполитического консенсуса истинная цель Федеративной Республики Германия.

Что касается европейской безопасности, то в 1960-е гг. (не в последнюю очередь из-за ослабления позиций США) все большую роль стали играть малые и средние страны Европы, что существенно затруднило автономные действия крупных государств. До сих пор дискуссионным остается вопрос, насколько рост числа акторов на международной арене продуктивен с точки зрения формирования системы региональной безопасности [Ср.: 1]. Если под этим ракурсом оценивать установки политической элиты ФРГ, то придется констатировать следующее: сил для полномасштабной реализации данных установок на практике у политической элиты Западной Германии не было, а угроза доверию, наоборот, присутствовала.

---

¹ См. обоснование канцлером Г. Колем решения о приглашении Э. Хонеккера в Бонн: [7].

Источники и литература:

1. Синдеев, А.А. Системообразующие процессы европейской безопасности // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 – начало XXI в.) : материалы IV Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 17–21.
2. Стрелец, М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Монография / М.В. Стрелец. – Брест : Издательство БГТУ, 2004. – 410 с.
3. Deutscher Bundestag: 66. Sitzung. – Bonn, den 18. September 1970. – 38 S. (3631–3664).
4. Deutscher Bundestag: 71. Sitzung. – Bonn, den 9. Oktober 1970. – 46 S. (3931–3972).
5. Deutscher Bundestag: 80. Sitzung. – Bonn, den 13. November 1970. – 46 S. (4475–4514).
6. Deutscher Bundestag: 85. Sitzung. – Bonn, den 10. Dezember 1970. – 18 S. (4739–4754).
7. Kohl, H. Erinnerungen, 1982–1990 / H. Kohl. – München : Droemer, 2005. – S. 83–86.
8. Oltmanns, R. Spurensuche auf verbrannter Erde: Reportagen, Berichte, Erzählungen zur Zeitgeschichte: Deutschland, Europa, Südamerika, Asien, Afrika (1969–2009) / R. Oltmanns. – Nordersedt, 2009. – S. 36–39.
9. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes der Bundesrepublik Deutschland. – В 2-VS. – Bd. 199A. – Bl. 12.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В 1980-е ГОДЫ**

В.А. Космач (Витебск)

В 1981 г. президентом Франции стал социалист Франсуа Миттеран, а в 1982 г. федеральным канцлером ФРГ по итогам выборов в бундестаг был утвержден христианский демократ Гельмут Коль. Оба политика сыграют выдающуюся роль в истории своих стран последней четверти XX века. Они же будут во многом определять всю архитектуру европейской геополитики и международных отношений и, конечно же, всю гамму и результативность двусторонних отношений между Францией и ФРГ, в том числе в области вооружений и европейской военно-политической интеграции 1980-х– первой половины 1990-х гг. [6, с. 185–189; 7, с. 439–440].

«Что же касается Франции, – отмечает в «Истории внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель» Н.В. Павлов, – то развернувшаяся там начиная с 1981 года дискуссия отчетливо показала, что в будущем в области поддержания своей внешней безопасности, опираясь на нынешнюю стратегию, Франция в одиночку уже не сможет противостоять военным и финансовым проблемам. Поэтому мощный западногерманский экономический потенциал должен был помочь стране решить многие